
Vita Лина
Корень-7

Vita Лина

Корень-7

«Автор»
2026

Лина V.

Корень-7 / V. Лина — «Автор», 2026

Солнце сожгло поверхность. Люди ушли под землю — в Убежища. Корень-7: сто двадцать душ, четыре фракции. Бегуны ходят туда, куда не ходят другие — наверх, в темноту, к монстрам.Аня, восемнадцатилетняя сирота, по всем баллам должна сажать грибы. Но Глава Бегунов — молчаливый Макс со шрамами на пол-лица — говорит: «Завтра. У Шлюза 2». И её жизнь меняется навсегда.Первый выход. Первая кровь. Первая карта, нарисованная углём. Аня становится картографом отряда. Но чем глубже она спускается, тем чаще слышит гул. Низкий. Ритмичный. Живой. Тот самый, что зовёт её — одну, без права на ошибку — на Минус Четвёртый.История о девушке, которая не побоялась заглянуть в темноту. О командире, который никого не ждёт. О коте по имени Макс. И о том, что иногда монстры — не самое страшное под землёй.

© Лина V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Распределение 6
Глава 2. Свои среди чужих 9
Глава 3. Тихий класс 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Vita Лина
Корень-7

Глава 1. Распределение

Воздух в бункере Совета был спёртым до тошноты. Он пах нагретым металлом, старой бумагой тестов и ещё чем-то кисловатым — то ли от древних ламп, то ли от пота тех, кто сидел здесь часами, решая судьбы. Аня стояла посреди бывшей диспетчерской метро, выпрямившись настолько, насколько позволял её невысокий рост, и смотрела прямо перед собой. Глаза горели. Не от страха — от нетерпения.

За грубо сколоченным столом сидели пятеро. Главы фракций. Те, кто вершил судьбы ста двадцати душ, запертых в бетонной коробке под землёй. Перед ними лежала её папка — тонкая, но с жирной красной пометкой, сделанной рукой Светланы Михайловны: «Любопытство выше нормы. Инцидент у Люка 4. Выговор». Аня знала, что там написано. Знала, что этот выговор будет стоять поперёк горла, как рыбья кость. И всё равно не жалела.

Александр Владимирович поднял на неё тяжёлый взгляд. Ему было около сорока, но выглядел он старше — седина пробивалась у висков, лицо изрезали глубокие морщины, а глаза были цвета мокрого бетона. Он не был злым. Он просто не понимал, зачем тратить кислород на разговоры, если можно кивнуть и отправить человека к грядкам. Его любимая фраза — «Обоснуй» — звучала в Корне-7 как приговор.

— Аня. Дочь Олега и Марины. Родители — Фермеры, золотые руки были, — начал он ровно, без эмоций. — Тесты...

Он взял листок, пробежал глазами. Аня знала эти цифры наизусть. Биология — отлично. Травы знает. Физподготовка — выше среднего для её роста. Медицина — удовлетворительно. Поведение — хромает. Дисциплина — хромает. Склонность к неоправданному риску — есть.

— Биология — отлично, травы знаешь, — подтвердил Александр. — Физподготовка — выше среднего для твоего роста. Медицина — удовлетворительно.

Пауза. Он смотрел на неё долго, изучающе, будто прикидывал, сколько ресурса потратит на неё и сколько получит взамен. Рядом Макс даже не повернул головы. Глава Бегунов сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на схему тоннелей, разложенную перед ним. Его шрамы — белые, похожие на паутину, — белели в свете лампы. Ему было всё равно на распределение. Он ждал приказа на выход. Ждал темноты. Ждал работы.

Людочка, жена Александра, сидела чуть поодаль. Женщина лет тридцати пяти, с добрым лицом и усталыми глазами, она смотрела на Аню с сочувствием. Сирота. Да ещё и темпераментная. Людочка знала её с рождения — помогала Марине, когда та рожала, поила травяными отварами, когда Аня болела лихорадкой. Она бы взяла её в лазарет, научила врачеванию. Но не ей решать.

Антон, глава Фермеров, самый молодой из Глав — двадцать шесть лет, очки из пластмассовых линз, которые он выплавил сам, — нервно крутил в пальцах сухой стебелёк гриба. Он бы взял Аню к себе. Ему нужны были руки. И не только руки — ему нужна была её энергия, её любопытство, её желание копать глубже, чем позволяет инструкция. Но он знал, что Александр уже всё решил. Знал, что спорить бесполезно.

Светлана Михайловна, старая, глуховатая, но с ясным взглядом, сидела, сложив руки на коленях. Она застала Поверхность. Была молодой девочкой, когда солнце сожгло всё дотла. Она помнила небо «до того, как». И сейчас смотрела на Аню так, будто видела в ней что-то знакомое — ту же искру, которая когда-то горела в ней самой, пока не погасла под бетонными сводами.

Геннадий, глава Строителей, кряжистый, с руками в каменной пыли, сидел справа от Александра. Он хмыкнул в усы — тихо, почти неслышно. Его мнение редко отличалось от мнения друга. «Своды дышат, надо крепить» — его диагноз. Детей он не особо любил, но терпел. Аня была для него просто ещё одной единицей ресурса, которую надо правильно распределить.

— Но... Поведение, — продолжил Александр, и его голос стал жёстче. — Дисциплина хромает. Склонность к неоправданному риску. Светлана Михайловна говорит, язык у тебя как помело, а глаза горят туда, куда не надо.

Он отложил листок. Аня стояла, не шевелясь. Она знала, что будет дальше. Знала, что по баллам она проходит в Фермеры. Как и ожидалось от её семьи. Как и хотели бы её родители — если бы были живы.

— По баллам ты проходишь в Фермеры, — подтвердил Александр. — Это стабильная еда, тепло и безопасность. Это память о родителях.

Он сцепил пальцы в замок и подался чуть вперёд. Его голос упал до шёпота, который слышали все:

— Но я вижу твои глаза, Аня. Ты будешь смотреть на люк каждый день, пока однажды не откроешь его и не приведёшь за собой Тень. Мне нужны работники, а не герои. Поэтому вопрос к Главе Бегунов.

Впервые за всю церемонию Макс медленно повернул голову. Его пустой взгляд упёрся в Аню, как луч фонаря в темноте. Остальные замерли. Людочка перестала дышать. Антон сжал стебелёк так, что тот хрустнул. Светлана прикрыла глаза, беззвучно шевеля губами — молитва или просто старое, забытое слово.

Сейчас он решит её судьбу. Если он откажется — Александр махнёт рукой, и она пойдёт сажать грибы до конца жизни. Если согласится — её жизнь изменится навсегда. Или закончится.

Макс смотрел на неё долго. Секунду. Две. Три. Его лицо не менялось — каменное, бесстрастное, со шрамами, которые говорили громче любых слов. Он видел её впервые, но уже знал о ней всё, что нужно было знать: говорливая, любопытная, сунула нос туда, куда не просили. Проблема. Но проблема, которую можно использовать.

— Болтливая. Низкая. Правил не знает, — произнёс он. Голос — сухой шелест, ни одной лишней эмоции.

Пауза. Тишина, только гул вентиляции. Аня чувствовала, как её сердце бьётся где-то в горле.

— Завтра. У Шлюза 2. Снаряжение получишь. Опоздаешь — останешься в Фермерах. Всё.

Он отвернулся обратно к карте. Александр Владимирович шумно выдохнул через нос и кивнул, делая пометку в журнале. Людочка едва заметно улыбнулась ей — тепло, ободряюще. Геннадий хмыкнул в усы. Светлана громко прошамкала: «Господи, спаси и сохрани эту вертихвостку...»

Аня вылетела в коридор. В руке — пластиковая карточка с красной полосой и надписью «КАНДИДАТ-БЕГУН — КОРЕНЬ-7». Она смотрела на неё, и внутри всё пело. Не от радости — от чего-то большего. От чувства, что она наконец-то там, где должна быть. Что она не просто дочь Фермеров, не просто сирота, не просто «говорливая». Она — кандидат в Бегуны. Она будет ходить туда, куда не ходят другие. Она увидит то, что скрыто во тьме.

Сзади скрипнула дверь. Аня обернулась. Антон — глава Фермеров — догонял её, запыхавшись. Очки съехали на нос, он поправил их нервным движением.

— Ань... Это... Погоди. Вот, держи.

Он сунул ей в руку вяленую полоску мяса — деликатес, который дают раз в месяц. Роскошь. Аня знала, что он отдал ей свою порцию.

— Родители твои хорошими были, — сказал он тихо, не глядя ей в глаза. — Я просто хотел сказать... Грибы растут в тишине, а люди — нет. Если у тебя не выйдет с Бегунами... ну, там, если поймёшь, что не твоё... у меня всегда место есть. Ладно?

Он смущённо потёр шею и быстро ушёл обратно, пока его не заметил Геннадий за «подкуп» чужака. Аня смотрела ему вслед. В руке — мясо. В кармане — карточка. В груди — что-то горячее и острое, похожее на слёзы, которые она не позволит себе пролить.

Она пошла в общежитие. Узкий коридор. Лампы гудят. Пахнет сыростью и старым бетоном. Где-то капает вода. Завтра в 06:00 её жизнь изменится — или закончится. Но сейчас она просто шла вперёд, и её шаги звучали громче, чем обычно.

Глава 2. Свои среди чужих

Тяжёлая дверь в столовую поддалась с глухим скрипом. Аня шагнула внутрь, и её сразу обдало тёплым, влажным воздухом, пахнущим варёными грибами и слабым мясным бульоном. Народу было мало — не обеденное время. Пара Фермеров дремала над пустыми мисками, да в углу Строитель что-то чинил, разложив на столе детали старого генератора.

За дальним столом сидели трое. Аня сразу узнала их — по нашивкам, по тяжёлым ботинкам, по тому, как они держали спины. Бегуны.

Здоровяк лет тридцати, бритый, с руками как лопаты, заметил её первым. Хмыкнул, толкнул соседа локтем. Его звали Костик, и слухи о нём ходили разные — от «дубинкой с одного удара укладывает» до «в прошлом году один отбился от Ползуна».

— О, гляньте, — прогудел Костик. — Свежее мясо. Или это к нам пополнение? Анька, что ли? Про тебя базарили. Малая, а шустрая.

Рядом с ним сидел щуплый парень с нервными пальцами — Лёва. Лет двадцать пять, лицо бледное, глаза бегают. В руках он постоянно вертел зажигалку без газа. Просто привычка — щёлк-щёлк, щёлк-щёлк. Звук раздражающий, но в нём было что-то успокаивающее.

— Макс её взял... — сказал Лёва, не глядя на Аню. — Он либо чуйку потерял, либо что-то знает. Он же болтунов не берёт.

Третья за столом — женщина лет двадцати семи. Рита. Единственная женщина-Бегун в Корне-7, с ожогом на пол-лица и коротко стриженными волосами. Она смотрела на Аню пристально, молча. Не враждебно — оценивающе. Потом кивнула на свободный стул.

— Садись, кандидат. Чего стоишь, как на расстреле? — голос у неё был низкий, спокойный. — Вопросы есть — спрашивай. Нет — просто слушай и не мешай.

Аня села на край скамьи. Костик одобрительно кивнул — мол, соображает. Разговор за столом продолжался, вялый, как ручей в засуху.

— ...говорю тебе, третий сектор проседает, — Лёва щёлкнул зажигалкой, потом ещё раз. — Слышал вчера скрежет. Геннадий, конечно, божится, что крепи держат. Но я б туда не совался.

— А я б совался, — Костик усмехнулся, отхлебнул из кружки. — Там старые склады. Может, батарейки, может, консервы. Антону корм для рыб нужен, а нам — нормальная жратва. Не эти ваши грибы варёные.

Рита не смотрела на Аню, но говорила явно для неё:

— Новичкам на Верх не раньше чем через две недели выводят. Если доживут. Сначала — патрули нижних тоннелей. Там тоже твари бывают. Мелкие. Быстрые. Крысы размером с собаку. Слепые, но слышат твой пульс.

Пауза. Лёва перестал щёлкать. В столовой стало тихо — даже Строитель в углу замер, будто прислушиваясь.

— А ты чё молчишь, Аня? — Костик прищурился. — Страшно или наматываешь?

Рита медленно повернула к ней обожжённое лицо. В её взгляде было что-то новое — не насмешка, не жалость. Интерес.

— Правильно делает. Слушает. Это редкое качество для... — она сделала паузу, — говорливых.

Лёва фыркнул. Костик заржал, хлопнул ладонью по столу. Видимо, слухи о её языке уже дошли и сюда.

В этот момент дверь столовой открылась. Вошёл Макс. Он не смотрел в их сторону — прошёл мимо, как мимо пустого места. Взял кружку с кипятком, кусок грибного хлеба и сел в дальний угол. Спиной к стене, лицом ко входу. Привычка. Или инстинкт.

Костик сразу сбавил тон. Лёва спрятал зажигалку в карман. Рита продолжала смотреть на Аню, но теперь с лёгким интересом — как отреагирует.

Аня выдержала паузу. Потом спросила ровно, без дрожи в голосе:

— А что за нижние этажи? Насколько исследованы?

Рита чуть приподняла бровь — оценила, что не про страх спросила, а про дело.

— Нижние... Официально — три яруса под нами. Мы на Минус Первом. Фермеры и школа на Минус Втором. Там тепло от труб. Минус Третий — склады, генераторная, старые шахты. Дальше — только тьма и карты, которым сто лет.

Лёва нервно защёлкал:

— Карты врут. Линии метро обвалились, проходы гуляют. Что вчера было стеной — сегодня трещина. А в трещине...

— Короче, — перебил Костик. — Минус Четвёртый мы щупаем раз в пару месяцев. Там холодно. Влажно. И тихо. Слишком тихо. Макс говорит — дальше не лезть без приказа. Строители туда совались пару лет назад. Вернулись не все.

Рита понизила голос почти до шёпота:

— Тот, кто вернулся, теперь у Светланы в «тихом классе». Рисует круги и бормочет про «глубину». Не спрашивай.

За соседним столом кто-то уронил ложку. Все вздрогнули. Кроме Макса — он даже не шевельнулся, медленно жевал свой хлеб.

Лёва выдохнул:

— Короче, новенькая. Сначала патрули по краю Минус Третьего. Там свет есть. Через месяц, если не обделаешься — Минус Четвёртый. А Верх... Верх только с Максом. И только когда он скажет.

Рита вдруг наклонилась ближе. От неё пахло железом и сухой землёй.

— Запомни. Внизу главное не зрение. Слух. И чуйка. Если волосы на затылке встали — беги. Не думай. Беги. Макс из-за тебя не пойдёт. Он ни за кем не идёт.

Она откинулась назад. Костик допил бульон. Макс в углу молча поднялся и вышел, не глядя ни на кого.

Аня смотрела на закрывшуюся дверь. Потом сказала, глядя в стол:

— Я рисую хорошо. Карты прорисовать могу, если надо.

Слова зависли в воздухе. Лёва перестал щёлкать зажигалкой. Костик даже ложку отложил.

Рита медленно, с новым интересом:

— Карты... Рисуешь?

Она переглянулась с Костиком. Тот хмыкнул, потер бритый затылок.

— А это... полезно вообще-то. У нас щас карты — дерьмо. Старые схемы метро, на которых Геннадий крестики ставит. А проходы меняются. Обвалы, трещины, новые ответвления. Бегуны на словах передают: «там завал, тут лаз».

— Если б кто-то мог на ходу зарисовывать... — оживился Лёва. — Схематично. Повороты, метки, где твари замечены. Макс бы оценил. Наверное. Он вообще мало что оценивает, но это реально нужно.

Рита прищурилась:

— Ань. Ты сейчас не языком треплешь? Реально можешь? В темноте, на холоде, когда руки трясутся — набросать схему тоннеля?

В этот момент из коридора донёсся тяжёлый звук — где-то далеко ухнуло. Все на секунду замерли. Лёва машинально посмотрел на потолок.

— Оползень... — тихо сказал Костик. — Или не оползень.

Тишина. Потом всё стихло.

Аня подняла глаза на Риту. И ответила спокойно, без вызова:

— Да, на ходу смогу. Если твёрдый планшет под бумагой будет или дощечка.

Рита медленно кивнула. В её глазах что-то похожее на уважение. Костик ухмыльнулся.

— О, слышь, Лёв. У нас, кажись, своя картографша будет. Геннадий от зависти лопнет — он свои каракули «схемами» зовет.

Лёва без улыбки, но уже без нервного щелчка:

— Планшет у Строителей взять можно. У них фанера есть, обрезки. Я переговорю. Мне Геннадий должен за тот патруль.

Рита встала из-за стола, забрала пустую кружку:

— Тогда завтра после смены — к Геннадию. Или через Людочку. Она мягче попросит. А пока...

Она наклонилась к самому уху Ани. Горячий шёпот:

— Максу про карты не говори. Пока не покажешь, что реально можешь. Он пустых обещаний не ест. Но если сделаешь — он запомнит. Он всё запоминает.

Рита выпрямилась и ушла, не прощаясь. Костик подмигнул и тоже собрался.

— Давай, художница. Завтра в шесть у шлюза. Не проспи. Макс опоздавших не ждёт. Вообще.

Аня осталась одна за столом. В столовой почти пусто. Где-то гудит вентиляция. Впереди — ночь перед первым выходом.

Глава 3. Тихий класс

Коридор до лазарета был длинным и узким. Стены здесь обиты старыми одеялами — чтобы больные спали, чтобы стоны не разносились эхом по бетонным артериям Корня-7. Воздух был густым от запаха сушёных трав, йода и чего-то кислого, похожего на забродивший грибной отвар.

Людочка сидела за грубым деревянным столом, низко склонившись над ворохом бинтов. Стираные, пожелтевшие, но ещё крепкие. Её пальцы двигались быстро, привычно, складывая их в аккуратные стопки. Увидев Аню, она подняла голову и тепло улыбнулась. Улыбка у неё была усталая, но искренняя — как свет старой лампы, который уже не такой яркий, но всё ещё греет.

— Анечка! Проходи, милая. Поздравляю с распределением. Я так и знала, что ты не усидишь в Фермерах. Садись.

Она кивнула на табурет рядом. В углу на койке спал кто-то из Строителей — рука в самодельном гипсе, лицо бледное, дыхание тяжёлое. Людочка проследила за взглядом Ани и тихо пояснила:

— Егор. Из бригады Геннадия. Уже месяц у меня... Ну, как месяц. С тех пор, как его принесли.

Аня села. Бинты пахли мылом и чем-то горьким. Людочка отложила их в сторону, вытерла руки о передник и внимательно посмотрела на девушку.

— Устала небось? День длинный. Или что-то болит? Могу мазь дать, от синяков хорошо.

Видно было, что она рада её видеть. Для Людочки Аня была почти дочерью — той, за которой она присматривала после смерти Олега и Марины, той, кому оставляла лишнюю банку консервов «для самых мелких», даже когда Аня уже выросла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.